

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

КУЛЬТУРА И БЫТ
НАРОДОВ
СТРАН ТИХОГО
И
ИНДИЙСКОГО
ОКЕАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

1 9 6 6

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

СБОРНИК
МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

XXIII

КУЛЬТУРА И БЫТ
НАРОДОВ
СТРАН ТИХОГО
И
ИНДИЙСКОГО
ОКЕАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА • 1966 • ЛЕНИНГРАД

В. Р. Кабо

Мотив лабиринта в австралийском искусстве и проблема этногенеза австралийцев

Для изобразительного и декоративного искусства аборигенов Восточной и Западной Австралии характерна совокупность родственных между собой мотивов: концентрических четырехугольников, чаще всего ромбов, а также зигзагов, меандров и т. п. Вырезанные или нарисованные, эти изображения покрывают иногда сплошным орнаментом поверхность щитов, копьеметалок, палиц, украшений из дерева или раковин, предметов культа. Эти мотивы, одинаково свойственные Восточной и Западной Австралии, заметно отличаются от художественно-орнаментального стиля Центральной Австралии, для которой характерны концентрические окружности, спирали и волнистые линии. Известен на западе и востоке Австралии также мотив лабиринта, имеющий много общего с другими мотивами этих областей континента — меандром, зигзагом, ромбом и т. д. На западе мотив лабиринта изображается на фаллокриптах из перламутровых раковин, на чурингах, щитах, копьеметалках и других предметах, а на востоке он в прошлом вырезался на стволах деревьев или на поверхности земли во время обрядов инициации. И там, и здесь он встречается в наскальных изображениях.

Австралийские коллекции Музея антропологии и этнографии содержат несколько предметов, орнаментированных изображениями лабиринта, иногда, впрочем, сильно стилизованными. Все эти предметы — из коллекции № 2159, собранной И. Лауреллем в 1910—1911 гг. и поступившей в МАЭ в 1913 г.

Щит — № 2159-108 (табл. I, 1). Деревянный, узкий, с закругленными концами. Длина — 79,5 см, ширина — 11 см. Лицевая сторона выпуклая и обработана полностью узкими продольными бороздками. На противоположной стороне в щите выдолблена рукоять. Вся поверхность этой стороны щита покрыта вырезанными на ней косыми, встречающимися под углом линиями, образующими меандровидный орнамент — стилизованное изображение лабиринта. Контур орнамента обозначен круглыми углублениями. Щит окрашен охрой в темно-красный цвет. Происхождение — племя мангала (Кимберли, Северо-Западная Австралия).

Фаллокрипт — № 2159-178 (табл. I, 2). Из перламутровой раковины овальной формы. Длина — 16,5 см, ширина — 11,5 см. На лицевой стороне раковины вырезано тройными параллельными линиями изображение лабиринта; линии заполнены красной охрой. В верхней части раковины — два круглых отверстия для подвешивания раковины на шнурке. Про-

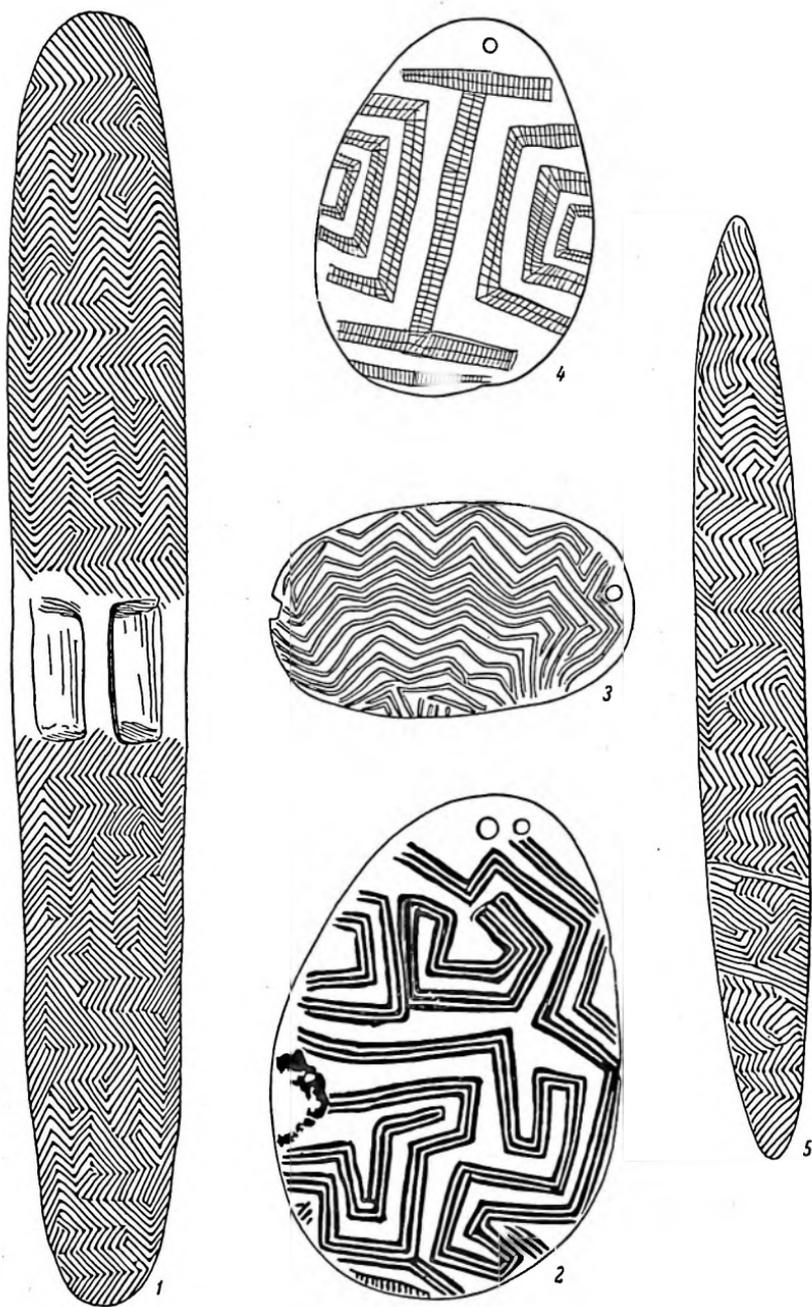

Таблица I.

1 — шит; 2, 3, 4 — фаллориты; 5 — налобное украшение.

исхождение — остров Санди (Sunday), Кимберли. Местное название — ріпјі-ріпјі. Фаллокрипты носят, как правило, на пояс.

Фаллокрипт — № 2159-179 (табл. I, 3). Из перламутровой раковины овальной формы. Длина — 9 см, ширина — 5.1 см. На лицевой стороне вырезаны ломаные линии, образующие стилизованное изображение лабиринта; линии заполнены красной охрой. В верхней части раковины — круглое отверстие, через которое продет шнур. Происхождение — остров Санди.

Фаллокрипт — № 2159-180 (табл. I, 4). Из перламутровой раковины овальной формы. Длина — 13.2 см, ширина — 10 см. На лицевой стороне вертикальными и горизонтальными прямыми линиями вырезано стилизованное изображение лабиринта; линии заполнены черной краской. В верхней части раковины — круглое отверстие. Происхождение — остров Санди.

Налобное украшение — № 2159-197 (табл. I, 5). Деревянное, удлиненно-овальной, веретенообразной формы. Длина — 37 см, ширина — 4.5 см. Одна сторона плоская, другая выпуклая. На плоской стороне вырезаны сплошные ломаные линии, образующие рисунок лабиринта. На выпуклой стороне — несколько разбросанных линий. Происхождение — остров Санди. По сообщению собирателя коллекции И. Лаурелля, такие предметы «носят как украшение воткнутому в голову повязку во время коробори».

Налобное украшение — № 2159-198 (табл. II, 1). Деревянное, веретенообразное. Длина — 30 см, ширина — 4.3 см. Одна сторона плоская, другая выпуклая. На плоской стороне вырезаны меандровидные и П-образные фигуры, образующие в совокупности стилизованное изображение лабиринта. Происхождение — остров Санди.

Налобное украшение (?) — № 2159-200. Из шифера. Плоская веретенообразная пластинка. Длина — 23.5 см, ширина — 2.5 см. На одном конце просверлено маленькое круглое отверстие. Это отверстие, а также форма предмета делают его похожим на гуделку. С обеих сторон вырезаны концентрические ромбы, образующие в совокупности стилизованное изображение лабиринта. Окрашено красной охрой. Происхождение — остров Санди.

Налобное украшение — № 2159-201 (табл. II, 2). Из шифера. Плоская подпрямоугольная пластинка удлиненной формы. Длина — 14.8 см, ширина — 2.3 см. На одной стороне вырезаны сплошные ломаные линии и концентрические ромбы. Рисунок имеет сходство со стилизованным изображением лабиринта. Линии заполнены красной охрой. На другой стороне вырезано несколько геометрических рисунков неопределенного содержания. Происхождение — остров Санди.

Чуринга — № 2159-202 (табл. II, 3а, 3б). Из белого песчано-глинистого сланца. Плоская, овальной формы, отшлифована с двух сторон. Длина — 15.5 см, ширина — 8 см. На одной стороне вырезаны сплошные извилистые змееобразные линии, образующие рисунок лабиринта. На другой стороне вырезаны концентрические четырехугольники, в совокупности также образующие стилизованное изображение лабиринта. Происхождение — племя мангала (Кимберли).¹

Чуринга — № 2159-203 (табл. II, 4). Из белого песчано-глинистого сланца. Плоская, овальная. Длина — 11 см, ширина — 10 см. На одной стороне вырезаны сплошные ломаные линии, образующие прямоуголь-

¹ В настоящее время чуринга утрачена.

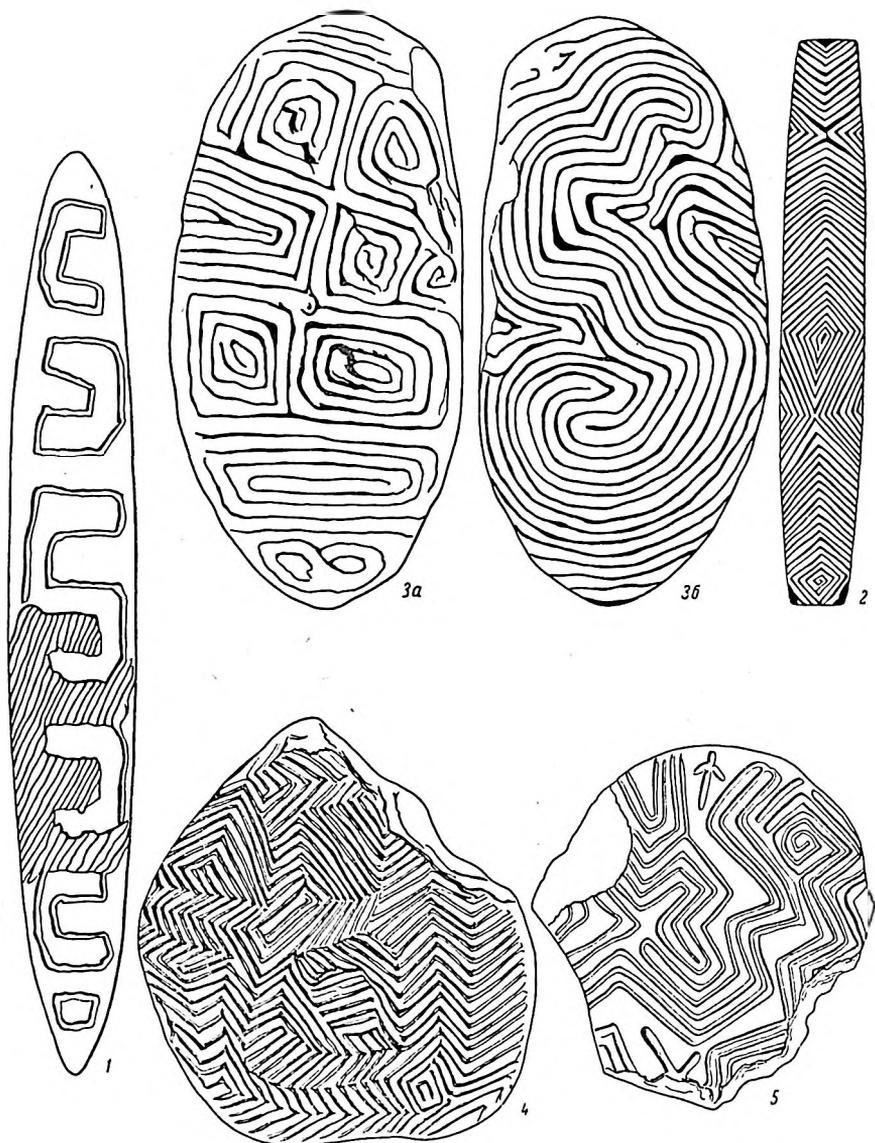

Таблица II.

1, 2 — налочные украшения; 3а, 3б — чуринга (обе стороны); 4, 5 — чуринга.

ный стилизованный рисунок лабиринта. Другая сторона не обработана. Края повреждены. Происхождение — племя мангала.

Чуринга — № 2159-204 (табл. II, 5). Из белого песчано-глинистого сланца. Плоская, овальная, отшлифована с двух сторон. Длина — 9.5 см, ширина — 8.5 см. На обеих сторонах вырезаны параллельные ломаные линии; с одной стороны они изображают лабиринт. Края повреждены. Происхождение — племя мангала.

Чуринга — № 2159-205. Из белого песчано-глинистого сланца. Плоская овальная, отшлифована с двух сторон. Длина (неполная) — 6.5 см, ширина — 6.5 см. На обеих сторонах вырезаны концентрически прямоугольники и трапеции, представляющие собой стилизованное изображение лабиринта. Часть чуринги отломана. Происхождение — племя мангала.

Некоторые из рассмотренных выше предметов орнаментированы бесспорными изображениями лабиринта, на других мы видим орнаменты, имеющие лишь отдаленное сходство с этим мотивом. Однако и в этих случаях прослеживается первоисточник таких орнаментов — мотив лабиринта. Мы вправе рассматривать их поэтому как стилизованное изображение лабиринта.

Возникает вопрос: какова семантика изображений лабиринта в австралийском искусстве? Какое смысловое значение вкладывают в них аборигены?

Лишь очень немногие исследователи пытались осветить этот вопрос, но эти попытки нельзя признать достаточно убедительными или исчерпывающими. В одном из первых описаний западноавстралийских фаллокриптов высказывается предположение, что меандры, зигзаги и волнистые линии в некоторых случаях, возможно, изображают мифического предка — змею.² Р. Бердт, известный знаток австралийской этнографии, пишет, что орнаменты на фаллокриптах изображают предметы и явления мира, окружающего аборигенов: волны, дождь, реку, морской прибой, облака, а также следы мифических предков и т. д.³ Возможно, что современные аборигены действительно объясняют эти рисунки таким образом. Но это несколько не разъясняет происхождение интересующего нас художественно-орнаментального стиля, не отвечает на вопрос: почему же явления окружающего мира изображаются в виде лабиринта? Не является ли такая интерпретация позднейшей попыткой осмыслить то, первоначальный смысл чего уже утрачен?

Наконец, в одной из работ мы читаем уже совсем неубедительное разъяснение, согласно которому сложные рисунки на перламутровых раковинах и других изделиях аборигены делают из «инстинктивной боязни пустого, ничем не заполненного пространства».⁴

Не получив удовлетворительного ответа на свой вопрос в литературе, я обратился с ним к специалисту по искусству австралийских аборигенов, Чарльзу Маунтфорду (Аделаида). Мне было известно, что в 1963 г. он совершил экспедицию в Северо-Западную Австралию с целью выяснить тот же вопрос. Вскоре я получил от него ответное письмо (от 9 сентября 1964 г.). Его исследование, пишет он, убедило его в том, что аборигены не вкладывают никакого особого смысла в изображения лабиринта и родственные типы орнамента. «Эти изображения, — пишет Маунтфорд, — просто личные знаки (personal marks) владельцев соответствующих пред-

² C. P. Mountford and A. Harvey. A survey of Australian Aboriginal pearl and bivaler shell ornaments. Records of the South Australian Museum, vol. 6, № 2, 1938, p. 121.

³ R. M. Berndt (ed.). Australian Aboriginal art. Sydney, 1964, pp. 6, 103.

⁴ M. W. Smith (ed.). The artist in tribal society. London, 1961, p. 17.

метов. Такие орнаменты позволяют образовать большое количество вариантов, и поэтому для аборигена нетрудно сделать рисунок, непохожий на другие, ему известные». Далее Маунтфорд высказывает предположение, что мотив лабиринта появился в австралийском искусстве сравнительно недавно, о чем свидетельствует его ограниченное распространение. Так, например, знакомые уже нам изображения на перламутровых раковинах делались только в западной части Кимберли, в окрестностях г. Брум, хотя эти раковины и распространялись отсюда посредством обмена чуть ли не по всей западной половине австралийского континента.

Выводы Ч. Маунтфорда не кажутся мне убедительными. В самом деле, можно допустить, что современные аборигены не вкладывают в изображения лабиринта никакого смысла, хотя это и противоречит тому, что пишет Р. Берндт. Но это еще не означает, что и их предки не придавали никакого особого значения таким изображениям. Вполне возможно, что значение лабиринта уже забылось, стерлось из памяти нынешних аборигенов. Так бывало и бывает нередко. Этнография знает множество примеров, когда какой-либо орнаментальный мотив, имевший прежде определенное смысловое значение, все еще сохраняется в народном искусстве, хотя самое значение его забылось. В этих случаях люди или совсем не могут объяснить смысла орнаментов, которые они еще изображают, или объясняют их совершенно по-новому.

То же относится и к вопросу о древности мотива лабиринта в австралийском искусстве. В действительности мотив лабиринта в орнаментально-декоративном искусстве Западной Австралии распространен довольно широко. Так, например, Д. Дэвидсон в одной из работ приводит рисунок щита того же типа, что и щит из коллекции МАЭ (№2159-108), с аналогичным орнаментом, состоящим из меандров, образующих стилизованное изображение лабиринта.⁵ Щит происходит с р. Де-Грей (Западная Австралия), т. е. из местности, расположенной на значительном расстоянии от племени мангала, откуда происходит наш щит. Орнаментированные фаллокрипты, по-видимому, делаются не только в окрестностях г. Брум, как утверждает Маунтфорд. Так, например, фаллокрипты из коллекции МАЭ (№ 2159) происходят с острова Саиди. В Национальном музее Викторнии (Мельбурн) имеется такой же фаллокрипт из окрестностей г. Роборн, находящегося на большом расстоянии от Брума.⁶ Фаллокрипт из Роборна с орнаментом в виде лабиринта имеется и в музее Пенсильванского университета наряду с такими же фаллокриптами из других мест Западной Австралии.⁷ Там же хранятся деревянные и каменные чуринги (последние аналогичны каменным чурингам из коллекции МАЭ, № 2159) из различных мест Северо-Западной Австралии, в том числе с острова Саиди, с орнаментом в виде стилизованного лабиринта, состоящего из меандров, зигзагов и концентрических четырехугольников.⁸ Кстати, Дэвидсон отмечает,⁹ что каменные чуринги из Северо-Западной Австралии представляют большую редкость, — это относится, следовательно, и к чурингам из коллекции МАЭ (№ 2159).

В книге Ф. Маккарти «Декоративное искусство австралийских абориген-

⁵ D. S. Davidson. A preliminary consideration of Aboriginal Australian decorative art. Philadelphia, 1937 (Memoirs of the American Philosophical Society, vol. 9), p. 37, fig. 24.

⁶ B. Spencer. Guide to the Australian ethnological collection. Melbourne, 1st ed., [s. a.], p. 51.

⁷ D. S. Davidson, ук. соч., стр. 61, рис. 43.

⁸ Там же, стр. 78, рис. 57; стр. 99, рис. 72.

⁹ Там же, стр. 100.

генов» помещена фотография фаллокрипта с изображением лабиринта из г. Уиндем, расположенного так же далеко от Брума, как и Роборн.¹⁰ В книге «Искусство австралийских аборигенов» можно видеть фаллокрипты из зал. Адмиралтейства, Уиндема и с острова Санди.¹¹ Все эти пункты находятся далеко от Брума, особенно два первых. Следует оговориться, правда, что наши источники оставляют открытым вопрос о том, не попали ли эти предметы в Роборн, Уиндем и зал. Адмиралтейства из какого-то другого места путем обмена. Дэвидсон пишет, что орнамент в виде прямоугольного меандра на предметах, найденных на побережье, встречается реже, чем в глубине материка.¹² Наконец, сам Маунтфорд воспроизводит в своей статье фаллокрипты с изображенным лабиринта с острова Санди и из других мест Западной Австралии.¹³

Рис. 1. Изображение лабиринта на стволе дерева у могилы аборигена Нового Южного Уэльса.

Но дело даже не в этом. В любом случае ограниченность области, где изображается мотив лабиринта, сама по себе еще не является доказательством недавнего появления этого мотива в Австралии. А кроме того, мотив лабиринта, как и родственные ему типы орнамента, встречается не только на западе Австралии. Он известен и на востоке континента, причем в такой сфере творчества, которая имеет, видимо, довольно значительную древность, хотя мы и не можем определить ее возраст точнее. Речь идет о так называемых дендроглифах, т. е. изображениях на стволах деревьев, распространенных в Новом Южном Уэльсе и южном Квинсленде — в тех областях Австралии, где туземное население почти или совершенно уже исчезло. С участка древесного ствола снималась кора, и затем на обнаженной части ствола вырезались геометрические рисунки, нередко имеющие вид лабиринта (рис. 1). Такие деревья обычно расположены близ мест, где аборигены совершали обряды инициации (бóра) или хоронили умерших. Уже одно это обстоятельство заставляет думать, что такие изображения не были просто «искусством для искусства», а что в них вкладывали какой-то смысл, что они были символами, связанными с обрядами посвящения или с погребальным ритуалом. И действительно известно, что дендроглифы нередко как бы иллюстрировали мифы, относящиеся к обрядам посвящения.

Изображения на деревьях считались священными, и их не должны были видеть ни женщины, ни непосвященные мужчины.

Подобные изображения, связанные с обрядами инициации, вырезались в Новом Южном Уэльсе и Виктории также на земле. Сохранились фотографии, где можно видеть, как посвящаемых подростков с закрытыми глазами ведут вдоль тропы, на которой начертаны фигуры, напоминающие изображения лабиринта и соединенные длинными извилистыми линиями.¹⁴ До одной из следующих стадий посвящения мальчики не должны были видеть эти рисунки, вырезанные на поверхности земли, — по аналогии с дендроглифами мы можем их назвать геоглифами. Геоглифы Восточной Австралии изображали путь по стране великих культурных

¹⁰ F. D. McCarthy. Australian Aboriginal decorative art. Sydney, 1956. fig. 40.

¹¹ R. M. Berndt, ук. соч., табл. 70.

¹² D. S. Davidson, ук. соч., стр. 63 и карта на стр. 64.

¹³ C. P. Mountford and A. Harvey, ук. соч., рис. 2—4 и табл. VIII.

¹⁴ Народы мира в правах и обычаях. Пгр., 1916, стр. 95; F. D. McCarthy, ук. соч., стр. 32.

героев и тотемических предков и другие символы. Интересно, что и в Центральной Австралии люди племени валбюри до сих пор еще делают на земле обрядовые рисунки, изображающие карту или план «страны сно-видений» — священной страны предков, где разворачивались события мифологии, откуда пришли и куда вновь ушли после своей смерти предки нынешних поколений.¹⁵

Наконец, живопись культового характера в виде сложного лабиринта мы находим и на скалах — например, в районе г. Уильягуна на западе Нового Южного Уэльса. Лабиринт сочетается здесь с изображением пляшущих людей, как бы исполняющих обрядовый танец.¹⁶ Петроглифы в виде лабиринта встречаются в различных местах Южной Австралии. Один из таких петроглифов найден под скальным навесом Девон Даунс на нижнем Муррее. Приблизительный возраст этого изображения, установленный с помощью радиоуглеродного метода, — 2200 лет до н. э.¹⁷ Наскальные изображения в виде лабиринта известны также в Центральной и Западной Австралии.¹⁸

Некоторые дендроглифы и геоглифы Восточной Австралии настолько близки по характеру своих изображений орнаментам па фаллокриптах, чурингах и других предметах Западной Австралии, что трудно допустить их независимое происхождение. А если и те и другие возникли из одного источника, то это относится, по-видимому, к такой глубокой древности, когда еще существовали культурные связи между населением этих столь удаленных друг от друга областей. Сходство всего их художественно-орнаментального стиля говорит в пользу того, что такие связи в прошлом имели место. Возможно, это относится еще ко времени первоначального заселения Австралии.¹⁹

Характерно и то, что фаллокрипты из Западной Австралии — у тех племен, где их делали (например, на острове Санди), — тоже применялись в обрядах посвящения. Их надевали юношам, проходящим через последние, заключительные стадии обрядов, и это были раковины, орнаментированные сложным рисунком в виде лабиринта.²⁰ А потом, по окончании обрядов, фаллокрипты попадали путем обмена к соседним племенам, а от них — еще дальше, нередко к племенам, живущим за тысячи километров от места изготовления этих предметов. Но везде к ним относились как к чему-то священному, исполненному магической силы и значения. Их применяли в магии вызывания дождя, в любовной магии. Их разрешалось носить только мужчинам, прошедшим обряды посвящения. Все это сближает их с дендроглифами и геоглифами Восточной Австралии, где использовались и аналогичные символы.

Древность, глубокая традиционность и в то же время сакральный, эзотерический смысл рисунков на перламутровых раковинах из Западной Австралии подчеркивается тем фактом, что изготовление этих рисунков сопровождалось исполнением особой песни — заклинания. Рисунок мог делать только тот, кто знал песню. По словам туземцев острова Санди, самый первый рисунок лабиринта был сделан «очень, очень давно», и

¹⁵ M. J. Meggitt. *Desert people*. Sydney, 1962, p. 223.

¹⁶ A. und K. Lomeli. *Die Kunst des fünften Erdteils*. München, 1959, S. 115, Fig. 40.

¹⁷ Там же, стр. 124—125, рис. 47.

¹⁸ Там же, стр. 127—129.

¹⁹ На такой же точке зрения стоит Ф. Маккарти: F. D. McCarthy, ук. соч., стр. 55—56.

²⁰ C. P. Mountford and A. Harvey, ук. соч., стр. 116; C. P. Mountford. *Aboriginal art*. London, 1961, p. 19.

с тех пор обычай изображать лабиринт передается от поколения к поколению вплоть до настоящего времени.²¹ Очень может быть, что в предположении Маунтфорда, высказанном в одной из его старых статей,²² о связи этого орнамента с архаическим пластом западно-австралийской мифологии, в котором большую роль играет образ змея, кроется глубокий смысл.

Итак, становится очевидным, что мотив лабиринта в австралийском искусстве имеет значительную древность и что он связан с обрядами посвящения и погребальным ритуалом. В идейном содержании погребальных обрядов и обрядов посвящения много общего — ведь и самый обряд посвящения нередко трактуется как смерть посвящаемого и его возвращение к новой жизни. Неудивительно поэтому, что и в изобразительной символике тех и других обрядов мы встречаем одинаковые мотивы. Нам уже известно, что геоглифы Восточной Австралии символизировали деяния героев мифологии, изображали путь тотемических предков по стране. Дендроглифы, связанные с погребальным ритуалом и с обрядами посвящения, изображения лабиринта на фаллокриптах и чурингах, вероятно, символизировали странствия тотемических предков и душ умерших или посвящаемых в той стране, откуда нет возврата в прежнюю жизнь.

Аналогичную символику лабиринта дают и этнографические материалы по некоторым другим народам. Так, например, В. Г. Богораз в работе о чукчах приводит чукотский рисунок, изображающий обитель мертвых в виде лабиринта — сложного переплетения путей.²³

В древности (в Египте, Греции, Италии) архитектурные сооружения в виде лабиринта имели, по-видимому, религиозно-культурное значение и некоторые из них прямо относились к погребальному ритуалу.

Обнаруженная нами связь лабиринта с представлениями о мире мертвых и обрядами инициации может, мне кажется, пролить свет и на еще сомнительные и спорные трактовки изображений или сооружений в виде лабиринта. Я имею в виду прежде всего распространенные на севере Европы — в скандинавских странах, Англии и на севере СССР — древние каменные наземные сооружения — лабиринты. Их назначение до сих пор не разгадано. Предлагались самые различные объяснения. Одно из наиболее аргументированных принадлежит Н. Н. Гуриной, которая связывает каменные лабиринты Севера с рыболовством и полагает, что они символизировали орудия лова и были предназначены для каких-то магических обрядов, совершавшихся с целью обеспечить успех рыболовного промысла.²⁴ Не оспаривая это объяснение, я все же думаю, что, исходя из сравнительных этнографических и исторических материалов, возможно и другое толкование северных лабиринтов как сооружений, связанных с представлениями о «нижнем мире» и обрядами инициации.

Интересно, что каменные выкладки, иногда очень похожие по внешнему виду на лабиринты Севера, известны и у австралийцев. Эти сооружения, каждой линии которых придавалось особое, порою тайное, эзотерическое значение, служили для обрядов посвящения. Такие обряды совершали здесь в некоторых случаях еще на памяти нынешнего поколения.²⁵

На одной из скал в Ромсдале (Норвегия) мы находим изображение лабиринта, относящееся примерно к VI—II тысячелетиям до н. э. (рис. 2).

²¹ С. Р. Mountford and A. Harvey, ук. соч., стр. 119.

²² Там же, стр. 121.

²³ В. Г. Богораз. Чукчи, т. II. Л., 1939, стр. 44, рис. 36.

²⁴ Н. Н. Гурина. Каменные лабиринты Беломорья. «Советская археология», т. 10, М.—Л., 1948, стр. 125—142.

²⁵ I. L. Idriess. Our living stone age. Sydney, 1963, pp. 57 (fig.), 63.

Оно состоит из прямоугольных меандров и концентрических ромбов — рисунок, совершенно аналогичный австралийским. Наряду с лабиринтом мы видим здесь и северных оленей в «рентгеновском стиле», т. е. с длинной

Рис. 2. Изображение лабиринта на скале в Ромдале (Норвегия).

жизни», схематически изображающей пищевод. О смысле этого рисунка можно высказывать различные предположения, но наиболее убедительным мне представляется толкование его А. Ломмелем как изображение «нижнего мира», откуда посредством магических обрядов возвращаются к новой жизни убитые на охоте животные.²⁶

Возможно, что и северные лабиринты служили как бы моделями «нижнего мира», где совершались магические обряды умножения промысловых рыб. Не случайно ведь почти все эти сооружения находятся на берегах морей или в устьях рек. Кстати, эта гипотеза очень близка к тому, что предполагает Н. Н. Гурина.

Высказанные нами гипотезы относительно северных лабиринтов не противоречат друг другу. Этнографии известны примеры, когда обряды умножения животных или растений («продуцирующие» обряды) совершаются одновременно с обрядами посвящения, как бы переплетаясь с ними, хотя функции тех и других обрядов различны.²⁷

Уходя еще дальше в глубь тысячелетий, мы снова находим тот же самый орнамент — прямоугольные меандры и концентрические ромбы, образующие рисунок лабиринта, — на так называемых фаллических фигурках и фигурках птиц (рис. 3), а также на браслетах и диадемах из Мезинской стоянки (Украина).²⁸ Мезинские находки относятся к эпохе верхнего палеолита. Подобные формы орнамента встречаются и позднее, в магледенскую эпоху.

Пластические изображения из Мезина связаны, вероятно, с религиозно-магическими представлениями и обрядами первобытных людей.

²⁶ A. L o m m e l. Zur Deutung von Felsbildern. Festschrift für A. E. Jensen zu seinem 65. Geburtstag, B. 1, München, 1964, SS. 362—363, Fig. 17.

²⁷ В. Р. К а б о. 1) Байви́ги — примитивные земледельцы Океании. Страны и народы Востока, вып. III, М., 1964, стр. 62—63; 2) Две книги об австралийском племени тиви. «Советская этнография», 1962, № 2, стр. 175.

²⁸ З. А. А б р а м о в а. Палеолитическое искусство на территории СССР. М.—Л., 1962, табл. XXXI—XXXV.

Рис. 3. Изображение лабиринта на «фигурке птицы» из Мезинской стоянки (Украина).

Такое значение должен был в этом случае иметь и орнамент, вырезанный на этих скульптурах. Созданный в связи с предметами религиозно-магического назначения, этот орнамент, утратив свое первоначальное смысловое значение, мог изображаться и на бытовых предметах (браслеты, диадемы). Для нас важно здесь подчеркнуть, что орнамент в виде лабиринта, состоящего из прямоугольных меандров, восходит еще к верхнему палеолиту, и его возраст составляет примерно 20—30 тысяч лет.

На расстоянии около 400 км от Мезина, на территории Воронежской области, находится группа стоянок Костенковско—Боршевского района, тоже верхнепалеолитических, а среди них стоянка Маркина гора. Стоянка эта замечательна, в частности, тем, что здесь в 1954 г. на глубине 4,5 м, в культурном горизонте с индустрией, относящейся к ранней поре верхнего палеолита, было обнаружено погребение человека.²⁰ Будучи вполне сформировавшимся неантропом, человек этот обладал, однако, некоторыми примитивными особенностями. Но самое интересное в нем — это характерная «папуасская» внешность, что позволяет сблизить его одновременно с негроидами и австралоидами.³⁰ Впрочем, протонегроидные или протоавстралоидные черты в строении верхнепалеолитических черепов Европы отмечены и в некоторых других случаях (Гримальди, Комб-Капелль, Пржедмост IV, Фатма-Коба). Все эти черепа принадлежали ранним, недифференцированным формам неантропа — таким формам, которые были свойственны эпохе, когда только начали складываться основные расы современного человечества. Из них наиболее близкими по своему антропологическому типу к этим ранним формам неантропа являются австралийцы. Унаследовав и сохранив в условиях изоляции черты этого древнего антропологического типа, они и в своей культуре удержали некоторые особенности, свойственные верхнему палеолиту.³¹ К таким особенностям относится, например, бумеранг, изобретенный еще в верхнем палеолите. Там же, в Костенках (стоянка Костенки I) П. П. Ефименко нашел предмет, сделанный из ребра мамонта и формой напоминающий австралийский бумеранг. Длина его достигала 50—55 см, края были тщательно заострены строганьем. Это аналог австралийского бумеранга «благодаря твердости, весу, остроте края мог представлять эффективное орудие охоты».³² В верхнепалеолитических пещерах Южной Франции и Северной Испании были найдены не только бумеранги, но и копьеметалки — тоже один из характерных элементов австралийской культуры.³³

Почему бы не рассматривать и мотив лабиринта, состоящий из прямоугольных меандров и концентрических ромбов, как один из элементов культуры, унаследованный австралийцами у своих далеких палеолитических предков? Известно, однако, что в позднейшие эпохи орнамент в виде меандра был широко распространен в Восточной Азии и в странах Средиземноморья. Можно предполагать поэтому, что он был заимство-

²⁰ А. Н. Р о г а ч е в. Многослойные стоянки Костенковско—Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине. МИА, № 59, М.—Л., 1957, стр. 81—85.

³⁰ М. М. Г е р а с и м о в. Люди каменного века. М., 1964, стр. 122—126.

³¹ В. Р. К а б о. 1) К вопросу о происхождении австралийцев и древности заселения Австралии (по антропологическим материалам). «Вопросы антропологии», вып. 7, 1961, стр. 77—94; 2) К проблеме этногенеза аборигенов Австралии. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964.

³² С. А. С е м е н о в. Охота в первобытном обществе. Рукопись, стр. 52.

³³ J. E. J. L e p o c h. Wurfholz und Bumerang. Wien. 1949; A. und K. L o t m e l, ук. соч., стр. 158—161.

ван австралийцами, скажем, из Восточной Азии, проникнув к ним через Юго-Восточную Азию и Индонезию. Наконец, почему бы не допустить, что австралийцы создали этот орнамент заново и совершенно самостоятельно? Все это так. Но надо принять во внимание, что лабиринт, состоящий из меандров, — а не только меандр сам по себе, — совсем не такой простой мотив, как может показаться, — конструкция его довольно сложна. Конечно, и австралийцы могли его изобрести. Они могли изобрести заново и бумеранг, и копьёметалку, и свойственные верхнему палеолиту способы изготовления каменных орудий, и многое другое. Но вполне логично допустить, что, унаследовав и сохранив (не полностью, конечно, но в значительной мере) антропологический тип своих верхнепалеолитических предков, они сохранили и некоторые элементы их культуры. Какие же? Разумеется, в первую очередь те, которые могли помочь им в трудной борьбе за существование на их новой родине. Значит прежде всего некоторые элементы материальной культуры — такие, как бумеранг, копьё и копьёметалку, приемы изготовления каменных орудий, способы охоты и приготовления пищи и т. д. Наряду с этим австралийцы подобно другим народам создавали (или заимствовали у соседей) новые, более прогрессивные приемы, навыки, орудия.

Возникает вопрос: какое же отношение ко всему этому имеет орнамент? Что в нем ценного, нужного людям, зачем им его сохранять? Но в том-то и дело, что для первобытного человека и орнамент нередко имеет жизненно важное значение. Еще Л. Леви-Брюль отмечал, что первобытные люди приписывают мистические свойства не только сделанным ими предметам, но даже орнаменту на них. «Перед нами здесь непосредственный результат веры в мистические свойства предметов, связанные с их формой, свойства, которыми можно овладеть при помощи определенной формы, но которые ускользают от контроля человека, если изменить в этой форме хотя бы малейшую деталь».³⁴ Леви-Брюль, однако, не объяснил, чем же вызвана самая вера людей в мистические свойства предметов, сделанных их руками. Пытаясь понять это явление, я пришел к убеждению, что устойчивость культурных достижений, традиционность — одно из важнейших завоеваний первобытной культуры, а приписывание предметам сверхъестественных свойств способствует этой устойчивости, сохранению в грядущих поколениях новых, все более эффективных форм орудий, технических приемов и т. д.³⁵

Но это лишь одна сторона дела. Орнаменты, которые являются не просто декоративным элементом, а такие, в которые вложено некое религиозно-магическое смысловое содержание, сами по себе обладают достаточной устойчивостью. Здесь важна уже не столько форма орнамента, сколько вложенное в него идейное содержание. Это содержание, как и все, что связано с областью религиозных верований или магии, обладает значительной степенью устойчивости и консерватизма. И даже в том случае, если одно содержание с течением времени заменяется другим, форма, как сопряженная чему-то священному, продолжает сохраняться. Вот почему и изображение лабиринта могло быть унаследовано австралийцами у их палеолитических предков. Ведь для австралийцев оно было несомненно наполнено священным смыслом. Культурное значение этого мотива можно предполагать с достаточной степенью вероятности и для эпохи верхнего палеолита.

³⁴ Л. Леви-Брюль. Первобытное мышление. М., 1930, стр. 23—24.

³⁵ В. Р. Кабо. Каменные орудия австралийцев. «Труды Института этнографии», т. 80, М.—Л., 1962, стр. 83—85.

Сохранение этого древнего мотива в искусстве Восточной и Западной Австралии свидетельствует о древних этнических и культурных связях племен востока и запада. Как уже отмечалось, эти связи относятся, очевидно, ко времени первоначального заселения Австралии. Постепенно расселяясь с севера по австралийскому континенту, — началось это, согласно данным археологии, не позднее 19 тысяч лет тому назад, — австралийцы прежде всего заселили восточные области Австралии.³⁶ Но часть их двинулась на запад через Центральную Австралию и ее северные прибрежные области и мало-помалу освоила и западную часть материка. Позднее Центральная Австралия стала областью, куда продолжали проникать с севера новые культурные влияния, видоизменившие культурный облик центральноавстралийских племен. Однако культурная близость восточных и западных племен продолжала сохраняться. Разумеется, все это устанавливается не с помощью одного только мотива лабиринта в искусстве востока и запада Австралии. Мы уже отмечали сходство всего художественно-орнаментального стиля этих областей. Изобразительное искусство — наиболее яркий пример, но есть и другие свидетельства былых этнических и культурных связей между племенами востока и запада — в том числе археологические и лингвистические.

Древним аналогом орнамента, состоящего из меандров, возможно, была спираль — мотив, появившийся в Европе уже в искусстве мадленской эпохи, т. е. примерно от 13 до 6 тысяч лет до н. э.³⁷ Мотив спирали тоже характерен для австралийского искусства, но он распространен лишь в Центральной Австралии. Учитывая его древнее происхождение, нет оснований, как это иногда делают,³⁸ связывать его появление в Австралии с эпохой бронзы в Юго-Восточной Азии.

Культовое, религиозно-магическое значение мотива лабиринта, состоящего из меандров, зигзагов и концентрических прямоугольников, и, по-видимому, такое же значение спирали подтверждается тем фактом, что эти мотивы мы находим на чурингах из Северо-Западной Австралии (таковы чуринги из колл. МАЭ — № 2159-202-205) и на центральноавстралийских чурингах, для которых характерно изображение спирали и концентрических окружностей. Известно, что чуринги почитались австралийцами как предметы священные, с ними ассоциировались души предков и живых членов племени, на них изображались деяния мифических героев древности, они хранились в тайниках и показывались лишь юношам, достигшим зрелости и прошедшим обряды посвящения, а их утрата рассматривалась как величайшее несчастье. Возможно, что подобно чурингам столь же священной была и верхнепалеолитическая пластика из Мезина с орнаментом в виде лабиринта.

Австралийские налобные украшения из коллекции МАЭ (№ 2159-197, 198, 200, и 201) не были просто украшениями, но надевались во время обрядов. Подобно этому и браслеты, и диадемы из Мезина могли быть не простыми украшениями, а предметами культового и обрядового назначения. Впрочем, орнамент культового содержания мог, утратив свой первоначальный смысл, изображаться и на предметах бытового обихода, — я уже говорил об этом. Примером может служить щит из коллекции МАЭ (№ 2159-108).

Таким образом, меандры, концентрические ромбы и близкие к ним орнаментальные мотивы, образующие в совокупности изображение лаби-

³⁶ В. Р. Кабо. К проблеме этногенеза аборигенов Австралии. . .

³⁷ A. L o m m e l. Motiv und Variation. München, 1962, SS. 9, 14.

³⁸ F. D. M e s c a r t h y, ук. соч., стр. 56.

ринта, имеют очень древнее происхождение. На протяжении тысячелетий в них вкладывалось определенное смысловое содержание, имеющее религиозно-магическую окраску. В тех случаях, где это содержание удается расшифровать, данные говорят о том, что изображение лабиринта (в искусстве, наземных сооружениях и т. п.) связывалось с представлениями об обители душ людей, животных и их мифических предков и с обрядами инициации.

Рассматривая меандры, концентрические ромбы, квадраты и тому подобные элементы австралийского искусства как самостоятельный древний мотив, тесно связанный с изображением лабиринта, я не могу согласиться с А. Ломмелем, который считает их дериватами орнамента в виде спирали.³⁹ Неубедительным представляется и сделанное К. Шустером сопоставление одного из западноавстралийских фаллокриптов, имеющего орнамент в виде меандра, с ложкой с острова Танимбер (Восточная Индонезия) как со своим первоисточником (на ложке изображена стилизованная антропоморфная фигура).⁴⁰ Такие сопоставления случайных вещей не могут объяснить происхождение того или иного орнамента.

Исследование мотива лабиринта в искусстве австралийцев, предпринятое нами в связи с предметами из австралийских коллекций Музея антропологии и этнографии, показывает, что орнамент или совокупность художественно-орнаментальных мотивов может стать ключом к сложным этногенетическим проблемам. Решение этих проблем, как известно, возможно лишь на основе всестороннего исследования с привлечением всех доступных источников. Материалы по искусству народа способны также сказать здесь свое слово.

---

³⁹ A. Lommel. *Motiv und Variation*. . ., S. 20.

⁴⁰ C. Schuster. *Designs incised on pearl shell from North-Western Australia and Tanimber*. «Mankind», 1951, vol. 4, № 6, pp. 219—220.